

Демократизация общества и этничность. (Национальное движение кабардинцев в постсоветский период)

Автор: М. И. АПШЕВА

Демократические перемены и подъем этнического самосознания

Хотя цель данной работы вполне конкретна - исследовать логику и пределы развития национального движения на примере кабардинского этноса, - целесообразно предварительно рассмотреть некоторые общие моменты сложнейшей проблемы воздействия демократического транзита на этничность. Сложный и длительный процесс перестройки в СССР привел, в частности, к тому, что заложенный в ней демократический потенциал способствовал резкому подъему национального самосознания всех народов огромной советской империи. Как оказалось, ни один этнос не был удовлетворен уровнем своего социально-экономического развития и положением, занимаемым в составе страны. По сути, можно утверждать, что именно неразрешенность национальных проблем стала одной из главных причин развала огромной машины Союза.

И это естественно, поскольку межэтнические трения в любой империи на фазе ее более-менее стабильного развития латентны. Когда же начинается процесс распада государства такого типа, напротив, происходит их ревитализация, нередко переходящая в вооруженные столкновения между народами, населявшими его социально-политическое пространство. Пока Центр силен, он воспринимается национальными районами как общий и наиболее опасный враг, так как большинство из них было включено в состав империи, как правило, силой. Когда же Центр слабеет и народы обретают политическую независимость, резко актуализируются их претензии и к Центру, и друг к другу. Причем чаще всего почвой для возникновения трений между этносами становится политика, проводившаяся тем же Центром.

В нашем конкретном случае такого рода политика объясняется совокупностью факторов: своеобразно понимаемой справедливостью, интернационализмом, грядущей победой коммунизма, необходимостью повышения эффективности административного управления. Однако то, что целесообразно с точки зрения управления государством, не всегда соответствует интересам народа. Эту мысль подтверждают примеры с Османской империей, когда в процессе ее распада произошли три Балканские войны между народами, входившими ранее в ее состав; конфликты между Индией и Пакистаном и Пакистаном и Бангладеш после их освобождения от власти Великобритании; войны между бывшими республиками Югославии. Подобных примеров в мировой истории достаточно много. И если сравнить процесс распада СССР и других империй, то можно

___ А п ш е в а Мадина Исуфовна - соискатель отдела этнологии Института гуманитарных исследований при правительстве Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Нальчик).

сказать, что он в этом ряду исключение: крушение Союза произошло гораздо менее болезненно и с меньшей кровью, чем в других подобных ситуациях.

Вероятно, это можно объяснить наличием двух важных первопричин. Во-первых, для распада страны существовали реальные, достаточно острые социально-экономические предпосылки. Во-вторых, для этого сложились и необходимые политические условия: формально распад СССР произошел по договоренности группы политиков, то есть регулировался "сверху". Иначе говоря, этот политический процесс стал лишь выражением уже сложившихся реалий. В результате при распаде союзного пространства выраженный территориальный подтекст имели только "горячий" конфликт между Азербайджаном и Арменией (из-за Нагорного Карабаха) и политическая напряженность между Россией и Украиной (из-за Крыма).

Хотя вся логика существования Советского Союза делала неизбежной демократическую революцию, подобную перестройке, следует подчеркнуть, что не все типологически схожие общественно-политические трансформации сопровождаются подъемом национального самосознания. Данный вариант как раз характерен для государств-империй, где, помимо территориального, действует немало иных факторов (культурных, социальных, политических), порождающих напряженность в межнациональных отношениях. Поэтому крах советского строя и демократизация стали предпосылкой актуализации этничности на постсоветском пространстве.

Конечно, в Советском Союзе идеологическая и пропагандистская работа была очень хорошо налажена и поэтому достаточно эффективна. Людей долго убаюкивали уверениями в том, что они живут в самой благополучной разумно организованной стране, в которой нет никаких социальных и тем более национальных противоречий, и многие в это поверили. Или, как минимум, сделали вид, что поверили: так было удобнее и безопаснее. Вдобавок процесс ассимиляции в новую "историческую общность - советский народ" зашел достаточно далеко, так что по аналогии с термином "раскрестьянивание" можно говорить о "разнационаливании", то есть деэтнизации определенной части каждого народа.

Однако никакая пропаганда не могла устранить существовавший в СССР этнический дискомфорт, поэтому в той же Кабардино-Балкарии, где никогда не было сколь-нибудь заметного диссидентского или иного политического движения, национальные организации появились лишь с началом демократических преобразований. Вероятно, не начнись перестройка, резкого роста национального самосознания в республике не происходило бы еще долго. Новая ситуация, выводя из-под спуда многочисленные этносоциальные проблемы (вопросы функционирования национальных языков, образования на них, пересмотр исторических стереотипов и клише и т.д.), моментально вызвала к жизни структуры, готовые такие проблемы решать.

Кабардинские национальные организации, республиканские власти и общественное мнение

Процессы зарождения и функционирования национальных движений протекают в соответствии с универсальными социально-психологическими законами. Во-первых, они создаются достаточно узкой группой национальных интеллигентов-идеалистов. Во-вторых, первые объединения данного типа - по своему характеру культурно-просветительские общества. В-третьих, параллельно происходят процессы расширения сфер их деятельности, политизация и рост числа их членов и сторонников. Это, в свою очередь, ведет к расколу национальных движений (как идейному, так и организационному). Схематически их историю (как, впрочем, и любого социального явления) можно представить в виде параболы, нижние точки которой соответствуют периоду зарождения и упадка движения, а верхняя - периоду наибольшей его влияния. В полном соответствии с этими законами развивалось и кабардинское национальное движение.

Первой организацией такой направленности, возникшей в Кабардино-Балкарии с началом перестройки, стало объединение "Ашамаз" (зарегистрировано в 1985 г.). Его основала небольшая группа национальной интеллигенции, мечтавшая о возрождении традиционной культуры, изучении родного языка и истории. Это было культурно-просве-

тительское общество, не ставившее политических целей. "Ашамаз" периодически проводил заседания, на которых выступали историки, этнографы и другие специалисты в различных областях. Они говорили о неизвестных событиях адыгской истории, о состоянии национальной культуры и языка. Присутствовать и выступать на этих собраниях могли все желающие: атмосфера там была очень демократичная. Созданием "Ашамаз" интеллигенция выполнила свою историческую миссию передового социального слоя, раньше других осознавшего и сформулировавшего проблемы и чаяния своего народа и начавшего действовать для их решения.

После длительного пребывания общества в тисках тоталитарной идеологии, сам факт существования "Ашамаз" был для своего времени глотком свежего воздуха. Эта организация впервые публично сказала правду о русско-кавказской войне и геноциде адыгов, о том, в каком социально-экономическом положении оказались эти народы к концу советского периода. В результате была деидеологизирована адыгская история, и в национальной историографии появились работы, в которых освещались закрытые ранее темы по Кавказской войне или по-новому интерпретировались хорошо известные события (например, российско-кабардинский договор 1557 г.). Это способствовало подъему национального самосознания всего народа, и власти уже не могли игнорировать такие настроения общества. В учебных заведениях республики от школ до вузов стали, наконец, преподаваться история Кабардино-Балкарии и традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Эти предметы стали обязательными для изучения на всех факультетах.

Подобный успех способствовал быстрому росту популярности "Ашамаз" и расширению его социальной базы. Между тем по мере изменения ситуации в стране и расширения демократии появились реальные возможности политического переустройства республики. В этих условиях культурно-просветительская организация, сменив название на Адыгэ Хаса, стала активным участником политического процесса. Новая ее программа уже не ограничивалась поддержкой развития культуры кабардинского народа и предусматривала решение на общедемократических принципах социально-экономических и политических проблем всей республики: "формирование правового государства; развитие политической активности и самостоятельности граждан; обеспечение полновластия Советов народных депутатов; развитие кооперативной, индивидуальной и других эффективных форм экономической деятельности; налаживание экономических и культурных связей с соотечественниками за рубежом" [Этнополитическая... 1999, с. 105 - 107].

Пиком наибольшей активности и успешности Хасы стали 1990 - 1993 гг. - период наиболее бурных событий в республике. Организация разработала свои проекты договора о разграничении полномочий между Кабардино-Балкарской Республикой (КБР) и РФ, Декларации о государственном суверенитете КБР и представила их на рассмотрение ее Верховного совета. Во всех своих документах Хаса заявляла о поддержке процессов демократизации и отстаивании не узконациональных интересов, а общедемократических целей¹.

Стремление к демократии стало причиной первого острого и открытого столкновения Хасы и официального руководства. То, что Верховный совет КБР фактически поддержал ГКЧП, вызвало недовольство и возмущение Хасы и других организаций, входивших в движение Демократическая Кабардино-Балкария, и они потребовали отставки руководства республики. Однако важно подчеркнуть, что политический кризис в КБР не просто обозначил дистанцию между идейными позициями и целями правившей в то время партийно-государственной номенклатуры и руководством национального движения, но высветил недостаток политической культуры его руководителей, включая тех, кто действительно придерживался национально-демократических взглядов.

В период обострения обстановки в республике в августе - сентябре 1991 г. у лидеров Хасы сложилось ошибочное представление, что они легко смогут отстранить от власти номенклатурное руководство КБР. Предполагалось, что при проведении демократических выборов к власти легитимно придут лидеры национального движения (или, по

¹ В основополагающих документах Адыгэ Хасы подчеркивалось, что речь идет не об интересах кабардинского народа, а "народа Кабардино-Балкарии".

крайней мере, люди, разделяющие их взгляды на дальнейшую судьбу республики). Однако этого не произошло прежде всего потому, что правящая политическая элита оказалась весьма гибкой, а потому жизнеспособной. В момент опасности она смогла избежать раскола и сохранить единство. Более того, партийно-политическая группировка продемонстрировала высокую способность адаптироваться к меняющимся условиям. Это проявилось, во-первых, в "добровольной" отставке ее лидеров В. Кокова, Х. Кармокова, М. Мамхегова, что, как оказалось впоследствии, было хорошо просчитанным прагматичным политическим ходом. Притом, что Верховный совет КБР дважды одобрил позицию ее руководства в период путча, эта отставка в дальнейшем создала Кокову имидж политического лидера, чувствительного к общественному мнению. Во-вторых, официальная власть предложила ввести в КБР пост президента, как это делалось практически во всех национальных субъектах РФ. Такая мера вызвала неоднозначную реакцию среди других участников политического процесса республики, породив дискуссию о целесообразности данного решения. Но несмотря на все сложности и препятствия (отрицательное отношение к Кокову русской и особенно балкарской части населения, которая фактически бойкотировала первый тур выборов) 5 января 1992 г. первый президент КБР был избран.

Не вдаваясь в дискуссию о политических, экономических и культурологических (соответствие этой формы власти этнической традиции тех же кабардинцев) причинах введения в республике института президентства, я хотела бы указать на социально-психологическую подоплеку этой трансформации. Появление в КБР поста президента - единоличного лидера, стало для правящего слоя инструментом, гарантировавшим ему сохранение и даже упрочение социального status quo. Именно инстинкт самосохранения "достаточно широкого и активного слоя политической и хозяйственно-управленческой элиты", оказавшейся перед выбором "между консолидацией в рамках модифицированной иерархически аппаратной системы и дальнейшим расколом с непредсказуемыми последствиями для собственного положения" [Боров, Думанов, Кажаров, 1999, с. 132], подвиг указанный социальный слой на радикальную по местным меркам политическую реформу.

Кабардинское национальное движение поддержало идею избрания президента, и Хаса даже приняла активное участие в выборной кампании как оппозиционная сила: Ф. Хараева - одного из претендентов на этот пост считали именно ее кандидатом. Позицию Хасы по данному вопросу можно объяснить тем, что ее лидеры, имевшие преувеличенное мнение об общественной поддержке своей организации, серьезно рассчитывали на вхождение во власть. Но этого не произошло, и избрание президента КБР стало фактически началом конца национального движения как политической силы. На внешнем уровне отставки Верховного совета и Совета министров КБР летом 1991 г. создавали иллюзию победы национально-демократической оппозиции, однако в действительности кризис способствовал укреплению положения прежней партийно-хозяйственной номенклатуры. Избрание президента завершило период реорганизации власти, ставшей консолидированной и сильной. А принятые затем законы ("Об общественных организациях", "О съездах народов" и др.) стали достаточно эффективным инструментом нейтрализации и блокирования национальных организаций, превращения их в чисто формальные, не имеющие реального значения объединения.

Не прибавил национальным организациям авторитета и другой серьезный политический кризис в республике, связанный с грузино-абхазским конфликтом. Адыгэ Хаса и Конгресс кабардинского народа встали на радикальную позицию, безоговорочно приняв сторону Абхазии, и начали оказывать ей не только гуманитарную помощь, но и отправлять туда в нарушение российских законов добровольцев для участия в военных действиях. При этом национальные движения потребовали от руководства КБР выступления с осуждением действий Грузии. Позиция новоизбранных республиканских властей по данной проблеме была, по моему мнению, непоследовательной, неоднозначной, но более гибкой. С одной стороны, Верховный совет КБР в специальном постановлении "решительно осудил недальновидную и опасную политику Грузии" и потребовал от нее "незамедлительного вывода оккупационных войск с территории Республики Абхазия". Более того, власти республики выразили "крайнее неудовлетворение политикой рос-

сийского руководства... направленной по существу... против абхазского народа". С другой стороны, было заявлено о поддержке позиции президента Кокова "о вооруженном невмешательстве в грузино-абхазский конфликт", одновременно допуская право "общественных организаций и национальных движений оказывать помощь абхазскому народу", за исключением "неправомерных действий по приобретению оружия, по агитации к формированию добровольческих отрядов" [Этнополитическая... 1994, с. 156].

Эти заявления усилили противостояние национальных движений и властей, пиком которого стал республиканский митинг, продолжавшийся 11 дней (с 24 сентября по 4 октября 1992 г.). В период его проведения в столицу республики были введены отряды ОМОНа, предпринявшие попытки силового разгона митингующих, в результате чего погибли два человека. При этом официальные СМИ повели против оппозиционеров кампанию, целью которой было утверждение в обществе мнения, что в митинге, помимо национал-экстремистов, участвуют всевозможные люмпенизированные личности, бездельники, пьяницы и даже уголовники, и что митингующие не выражают реальных настроений и мнения народа. В такой обстановке 1 октября 1992 г. состоялась встреча руководства республики и представителей митингующих, на которой было достигнуто соглашение об удовлетворении их основных требований. Однако, когда митинг прекратился, практически ни один пункт договоренностей не был выполнен. Напротив, Верховный совет КБР в специальном постановлении от 16 октября 1992 г., принятом по итогам обсуждения ситуации в республике, назвал митинг "антиконституционным", а его требования "незаконными и некорректными" [Этнополитическая... 1994, с. 165].

Точно так же официальные республиканские власти перехватили у национального движения инициативу в решении проблемы возвращающихся из Абхазии добровольцев. Эти люди, хорошо вооруженные, с опытом ведения боев, воодушевленные одержанной победой, могли стать если не вооруженными отрядами Хасы, то, по крайней мере, ее активными сторонниками. Во всяком случае, вероятность того, что они захотят противостоять тем, кого они считали своими идеологическими врагами, на мой взгляд, существовала. Но этого не произошло. Власти сыграли на опережение: добровольцев встретили как победителей и национальных героев, пообещав приравнять их по статусу к воинам-интернационалистам, служившим в Афганистане, дать им возможность создать свои организации и получать соответствующие льготы². В результате национальные движения практически утратили влияние на ветеранов, и второй острый политический кризис в республике также завершился победой и усилением позиций официальных властей. После чего активность Хасы, так и не ставшей полноценной оппозицией, практически была сведена к нулю, а ее политический капитал растрачен.

Эти события свидетельствуют о неумении Хасы и других национальных движений эффективно использовать ресурс общественного признания. На рубеже 1990-х гг. эти организации были столь популярны, что в республике, пожалуй, не было человека, не знавшего о них. Их идеи по возрождению и сохранению национальной культуры и менталитета на персональном уровне находили живой отклик. Это порождало у лидеров уверенность, что коль скоро их движение - истинный выразитель интересов кабардинцев, поддержка народа ему обеспечена. Однако перенесение таких поверхностных личных оценок на социальный уровень в большинстве случаев означает выдать желаемое за действительное, что, в частности, показал проведенный мной в 2004 г. социологический опрос³.

___ 2 Столь самостоятельная, на первый взгляд, политика властей КБР объясняется тем, что негласные симпатии федерального Центра в грузино-абхазском конфликте были на стороне Абхазии. Россия не предприняла реальных мер, чтобы остановить направляемую туда помощь, включая военную. Опосредованная поддержка одного из участников конфликта означала, что российская элита надеется на политические дивиденды и территориальные приобретения, причем без особых затрат.

3 Исследование проводилось в Баксанском, Зольском, Урванском, Чегемском районах КБР и в Нальчике. Выборка составила 400 человек, ранжированных по социально-демографическим признакам. Опрос проводился по комплексной анкете из 30 вопросов (в процессе работы, помимо анкетирования, использовался метод беседы и наблюдения). Полученные результаты были обработаны по программе "SPSS/PC+". Методическую помощь при обработке данных оказал М. Алхасов.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос "знакомы ли вы с программой первой Хасы" (в зависимости от возраста респондентов, в %)

Вариант ответа	18 - 24 года	25 - 29 лет	30 - 39 лет	40 - 49 лет	50 - 59 лет	60 и более лет
Да	6,3	11,6	17,2	21,7	32,5	38,1
Нет	54,6	51,2	50,6	43,3	27,5	42,9
Что-то слышал	39,1	37,2	32,2	35,0	40,0	19,0

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос, в какой степени деятельность первой Хасы выражала интересы народа (в зависимости от возраста респондентов, в %)

Вариант ответа	18 - 24 года	25 - 29 лет	30 - 39 лет	40 - 49 лет	50 - 59 лет	60 и более лет
Выражала полностью	26,5	11,6	20,7	20,0	30,0	38,1
Выражала интересы только отдельных групп	50,0	58,2	52,9	55,8	62,5	33,3
Не выражала совсем	21,9	27,9	20,7	19,2	27,5	23,8
Не знаю	1,6	2,3	5,7	5,0	-	4,8

Прежде всего исследование дезавуирует представление о сверхпопулярности Хасы: 46% опрошенных заявили, что они не знают о ней и ее целях, 35% - что-то об этом слышали и только 19% респондентов были полностью в курсе дела (две трети из них - горожане)⁴. Еще более удручающими оказались ответы на вопрос, в какой степени деятельность Хасы выражала интересы кабардинского народа. Только 22% опрошенных заявили, что эта организация действует во благо всех кабардинцев; примерно такое же количество (20%) придерживалось противоположной точки зрения и 54% считали, что она выражала интересы лишь отдельных групп (кланов).

Экстраполяция этих данных на период рубежа 1990-х гг., на мой взгляд, вполне уместна, подтверждением чего служит распределение ответов на поставленные выше вопросы в зависимости от возраста и социального положения опрошенных. Чем старше респонденты, тем больше среди них доля тех, кто знает о Хасе (см. табл. 1). Показатели же недоверия симметрично противоположны. Так, в среднем только порядка 14% опрошенных в возрасте 18 - 29 лет считают, что Хаса действительно выражала интересы кабардинского народа. В старших возрастных когортах (от 50 лет) эта цифра выше примерно в 2,1 раза. Аналогичную тенденцию демонстрируют данные, характеризующие оценку респондентами Хасы как организации, выражающей интересы отдельных категорий (кланов) кабардинцев (см. табл. 2).

Отношение к политическим вопросам в большой степени зависит от социального/стративного положения человека в обществе. При анализе ответов, характеризующих отношение различных социальных категорий респондентов к национальному движению, четко прослеживается закономерность: высокий уровень его позитивных оценок характерен преимущественно для интеллигенции, которой по самой ее сути полагается быть политически информированной и активной (см. табл. 3).

Иначе говоря, социологические данные подтверждают, что Хаса, безусловно, имея среди кабардинцев известность, не смогла стать их массовой организацией (партией). Движение, возникшее как выразитель и защитник интересов этноса, не имело среди его

___ 4 Единственное исключение из всего массива - данные по интеллигенции. Но и здесь доля знакомых с деятельностью Хасы (17%) суммарно равна доле незнакомых (5%) или что-то смутно слышавших об этом (11%).

Таблица 3

Отношение к Хасе респондентов в зависимости от их социального статуса (в %)

Социальная группа	Знакомы с первой Хасой	Не знакомы с Хасой	Что-то о ней слышали	Хаса выражала интересы народа	Она выражала интересы только отдельных групп народа	Она не выражала их совсем
Рабочий	19,0	42,9	38,1	23,8	46,5	29,7
Специалист	15,6	49,0	35,4	12,5	67,0	20,5
Чиновник	19,0	42,9	38,1	25,6	60,1	14,3
Руководитель предприятия, организации	30,0	50,0	20,0	10,0	80,0	10,0
Частный предприниматель	20,8	45,9	33,3	27,2	47,8	25,0
Работник силовых структур	8,3	51,0	40,7		60,0	40,0
Научная интеллигенция	41,2	35,3	23,5	23,5	70,6	5,9
Художественная интеллигенция	64,3	7,1	28,6	50,0	50,0	
Пенсионер	28,5	42,9	28,6	42,9	43,0	14,1
Студент	10,3	48,7	41,0	33,3	46,2	20,5
Домохозяйка, безработный	11,9	57,1	31,0	19,0	50,0	31,0

представителей массовой поддержки. Впрочем, в истории крайне мало примеров, когда какая-либо организация, созданная на такой основе, могла в течение долгого времени сохранять свою популярность и значимость.

Итоги деятельности Хасы: что может и чего не в состоянии достичь национальное движение

Хотя кабардинское национальное движение как активный и значимый участник политического процесса просуществовало недолго, результаты его деятельности заслуживают внимания, поскольку они репрезентативны в контексте изучения объединений такого типа. Сперва следует остановиться на достижениях Хасы. Благодаря ее усилиям в общественной жизни республики произошли значительные изменения. Возросло функциональное значение национальных языков: на территории КБР соответствующим законом было введено триязычие: кабардинский, балкарский и русский языки официально стали государственными и получили равные права. Языки титульных этносов перестали, наконец, быть факультативными предметами, перейдя в разряд обязательных и в сельских, и в городских школах. История КБР и традиционная культура кабардинцев и балкарцев также получила статус обязательных на всех уровнях обучения. Хаса добилась и установления в пределах республики 21 мая Дня памяти жертв русско-кавказской войны и геноцида адыгов.

Рамочное решение проблем культурно-языкового характера, происходившее в ходе общедемократических реформ, изменивших все постсоветское пространство, автоматически ставило перед кабардинским национальным движением дилемму: оставаться исключительно культурно-просветительской организацией, сконцентрировавшись на решении соответствующих рутинных вопросов, или же выходить на иной, более высокий политический уровень. Выбрав второе, Хаса неизбежно столкнулась с множеством но-

вых трудностей, которые молодая партия оказалась не в состоянии решить. Во многом это было обусловлено расколом в ее руководстве, вызванным изменением его социального состава. По мере роста популярности движения в него включались не только представители интеллигенции, но и чиновники низшего и среднего звена, а также работники силовых структур. Наиболее активная их часть тем или иным способом оказывались в составе руководства организацией, принося в ее деятельность соответствующий менталитет, социальные практики и т.д.

В первую очередь, это вылилось в серьезные разногласия по вопросам тактики и методов достижения декларируемых Хасой целей. Именно с появлением новых лидеров движение начало приобретать элементы национал-радикализма. Вдобавок, в условиях весьма замкнутого и традиционного общества КБР, Хаса по многим параметрам стала постепенно превращаться в клановую организацию по образу и подобию своих оппонентов - официальных властных структур. Вероятно, это происходило и потому, что ее новое руководящее ядро поверило в возможность своего реального вхождения в высшие эшелоны республиканской власти. Лидеры движения начали формировать свою команду по аппаратной методике, вытесняя из нее фактических организаторов движения - людей, преданных национально-демократическим идеалам и имеющих умеренные взгляды по вопросам тактики и методов борьбы.

Увеличение численности Хасы, укрепившее позиции ее радикальной части, изменило и стиль работы движения. Оно все чаще действовало способом, против которого само изначально выступало: появилась нетерпимость к критике и инакомыслию; применительно к отдельным ситуациям можно говорить и о коррумпированности руководства (хищении и присвоении средств организации). Но главное - национальное движение, претендующее на роль системной оппозиции, не смогло выстраивать конструктивные взаимоотношения с официальной властью. В период наибольшей популярности и активности Хасы власть пребывала в маргинальном положении - кризисе и переходе из одного качественного состояния в другое. Эта ситуация создавала у оппонентов впечатление (как оказалось впоследствии, весьма ошибочное) о слабости властных институтов как таковых. Радикальная часть руководства Хасы, переоценив силы национального движения и сделав неправильные выводы о жизнеспособности официальных структур, надеялась, что легко сможет прийти к руководству республикой. Поэтому радикалы не стремились идти на поиск компромиссов при решении тех или иных проблем, притом, что обе стороны, естественно, обвиняли друг друга в нежелании договариваться и стремлении к конфронтации.

Все это не могло не сказаться на популярности национального движения. Степень его поддержки обществом была максимальной, когда речь шла о социально значимых культурно-просветительских, научных, образовательных проблемах. Впрочем, даже тогда эта поддержка имела в основном пассивный характер: люди были согласны с идеями и целями Хасы, но принять практическое участие в работе по решению конкретных задач готовы были немногие. При актуализации же чисто политических проблем, особенно взаимоотношений Хасы и официальных властей КБР, уровень поддержки организаций национального движения становился значительно ниже.

Подобная ситуация - следствие совокупности обстоятельств. Среди факторов объективного порядка выделяю следующие. Во-первых, не говоря о том, что политическая активность у разных членов социума неодинакова, а его политически инертная часть всегда составляет большинство, в демократизирующемся обществе ни одна партия или движение не способны устроить всех: активные участники политических процессов не могут быть консолидированными в рамках одной организации (идеологии). Во-вторых, в советское время в политической памяти народа сформировался устойчивый стереотип: участие в оппозиционном движении опасно и для отдельного человека, и для его семьи, а власть вообще победить невозможно. В-третьих, у кабардинцев, как, впрочем, и у подавляющего большинства граждан России, не было возможности наблюдать и сравнивать деятельность различных политических партий, не было опыта и культуры участия в таких объединениях. Наконец, не в пользу национальных движений работала еще одна особенность политической культуры народов КБР - избыточный прагматизм, материа-

лизм, невысокая ценность политических идеалов [Кочесоков, 1997, с. 40]. Все это объясняет, почему даже в период наивысшей популярности Хасы ее численность была невысока.

В том, что национальное движение фактически потерпело поражение, важную роль сыграл и субъективный человеческий фактор. Национально- демократическая оппозиция не смогла выдвинуть из своей среды лидера, равноценного по масштабу президенту КБР Кокову, который и как политик, и как личность оказался сильнее своих соперников и врагов. Он сумел стать непререкаемым авторитетом в правительственном лагере, разными способами удалив с политической сцены своих главных конкурентов - Кармокова и Хараева. Аналогичным образом он нейтрализовал лидеров национального движения в республике (как кабардинского, так и балкарского). Умело используя их взаимные разногласия, Коков дискредитировал своих оппонентов в глазах общественности, что было не особенно сложно, ибо они сами давали к тому достаточно поводов. В итоге Коков сумел установить в республике режим бесконтрольной личной власти, действовавшей прежде всего в интересах республиканской постноменклатуры, которая вела свое происхождение из советских парткомов.

На этом фоне становится очевидным один из главных недостатков деятельности Хасы как политической организации: ее неумение наладить устойчивую и систематическую связь со своими потенциальными сторонниками. Хотя у нее были отделения во всех районах и даже в большинстве сел республики, но занимались они не столько пропагандой и разъяснением идей своей организации, сколько надзором за органами власти на местах. Поскольку это происходило на фоне уже отмечавшейся переоценки Хасой своих сил, взаимоотношения упомянутых институтов носили в большинстве случаев конфликтный характер. Представители Хасы нередко бывали излишне резки и категоричны в своих оценках, а власти раздражены самим фактом существования каких-то параллельных структур, пытавшихся их контролировать. Словом, нормального диалога между властью и оппозицией не получалось.

В результате, несмотря на разветвленную структуру, Хаса оставалась, по существу, келейной организацией. У нее не было опыта публично-политической деятельности, главным критерием эффективности которой выступает продуманная умелая пропагандистская работа. А состояние демократической эйфории, переживаемой всем обществом КБР и самой Хасой в конце 1980-х - начале 1990-х гг., мешало руководителям национальных организаций понять значение данной составляющей политической практики. Это усугублялось и заблуждением руководства Хасы относительно уровня ее влияния среди представителей "своего" этноса. Лидерам национального движения казалось излишним прилагать какие-то специальные усилия, чтобы добиваться поддержки людей.

Таким образом, не сумев в изменившихся условиях выдвинуть значимую для своих сторонников идею и выработать понятную и привлекательную для избирателей стратегию ее достижения, кабардинское национальное движение во многом утратило популярность и симпатии населения. Впрочем, трудно ожидать, что в контексте общедемократических преобразований, позволивших преодолеть многие издержки советской этнонациональной и культурно- языковой политики, апелляция к прошлому и радикальный национализм могли стать системообразующим элементом полноценной оппозиционной силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.

Кочесоков Р. Х. Некоторые особенности политической культуры Кабардино- Балкарии // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета, серия "Гуманитарные науки". 1997. Вып. 3.

Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. В 2 т. Т. 2. М., 1994.